

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Гимназистки

«Public Domain»

1908

Чарская Л. А.

Гимназистки / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1908

«Девочку с удлиненными зеленовато-серыми глазами и худеньким бледно-смуглым лицом прозвали Сфинксом. Она казалась какой-то особенной. И одевалась лучше остальных девочек, несмотря на то, что на ней было то же, традиционное форменное, с черным передником, коричневое платье, и обута изящнее своих одноклассниц, и прическа ее отличалась какою-то особенною красивой законченностью...»

© Чарская Л. А., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

ПОПОВНА	5
НЕПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лидия Алексеевна Чарская

Гимназистки

ПОПОВНА

Дети, в наш класс поступает новенькая! Надеюсь, вы радушно примете вашу будущую подругу!

Таисия Павловна, худенькая молодая «дама» третьего класса, со своей обычной, всегда немного грустной улыбкой, заторопилась навстречу высокой представительной директрисе.

Точно по мановению волшебной палочки в классе воцарилась полная тишина. Дверь широко распахнулась, и Ольга Николаевна (имя начальницы N-ской гимназии) вошла в комнату, держа за руку новенькую. На лицах третьеклассниц отразилось самое искреннее изумление. Такой новенькой N-ская гимназия еще никогда не видела в своих стенах. Высокая, плотная, загорелая, с огромными руками и ногами, как-то нелепо вылезавшими из слишком короткого и узкого, очевидно, с чужого плеча, платья, с гладко зачесанными, что называется зализанными, волосами и крупными чертами лица, новенькая внимательно оглядывала класс без малейшей тени смущения и робости.

Гимназистки, в свою очередь, стоя в проходах между партами, после обычного приветствия по адресу начальницы смотрели на новенькую.

Она казалась им настоящей великаншей. В третьем классе учились девочки приблизительно от одиннадцати до четырнадцати лет. Вновь поступавшей можно было с успехом дать все семнадцать. И притом это коричневое, грубое, обветренное лицо... Эти огромные руки... Они, скорее всего, подходили какой-нибудь ремесленнице, чернорабочей, но отнюдь не гимназистке.

Маленькая, миловидная, изящная, точно французская статуэтка, Милочка Печалина с нескрываемым ужасом шептала своей соседке, чистенькой и пухлой, как булка, Эмме Вульф:

– Посмотри на нее, Эмма! У нее руки в мозолях, точно у дворника!..

– О, какая громада! Брандмайор какой-то! – брезгливо морщась, роняла в другом углу класса Зина Ракитова, миниатюрная, тонкая брюнетка.

– Я думала, что она в последние классы поступает, а она-с к нашему изволит примкнуть, эта милая крошечка! – насмешливо проронила самая веселая и шаловливая из гимназисток Нюра Смолянская и прыснула от смеха.

Прыснули за ней и ближайшие из ее соседок.

– Крошечка... Нечего сказать, крошечка... Настоящий фельдфебель! – лепетала Милочка Печалина, делая невозможные гримасы.

– Тише, дети, тише! – и вся насторожившись, Таисия Павловна окинула строгим взором класс, призывая его к порядку.

– Mesdemoiselles, Ольга Николаевна желает говорить с вами! Прошу вас быть тише, – возвысив голос, заключила она.

Полное спокойствие воцарилось в классе. Директриса приблизилась к первым скамейкам, все еще не выпуская руку новенькой, и заговорила, обращаясь к девочкам:

– Вот вам новая подруга, дети! Будьте поласковее с ней. Она приехала сюда издалека, из деревенской глуши, где отец ее служит священником. Вы понимаете, конечно, как тяжело бывает уезжать надолго из родной обстановки и попадать к чужим людям, в незнакомый далекий город, где нет никого из близких и друзей. Вот Даша Крестовоздвиженская находится в таком же неприятном положении. Помогите же ей своим участием. Посвятите ее в свободное от уроков время в наши гимназические правила. Познакомьте с условиями нашей учебной

жизни. Надеюсь на вас, дети! Вы уже не маленькие и сумеете облегчить вашей новой подруге ее первые школьные шаги!

Директриса ласково кивнула девочкам и покинула класс. Таисия Павловна вышла проводить ее в коридор. Новенькая стояла одна посреди комнаты, большая, мешковатая, с огромными красными руками, некрасиво повисшими вдоль тела, в своем коротком, куцем платье, и прежними спокойными, нисколько не оробевшими глазами, оглядывала своих будущих одноклассниц.

Тотчас после ухода начальства девочки высыпали на середину класса, окружили Крестовоздвиженскую и закидали ее целым потоком вопросов.

- Вы, собственно, откуда?
- Из какой губернии?
- Из села или из деревни?
- Большой приход у вашего отца?
- Он давно там священником?
- А братья и сестры есть у вас еще дома?
- Сколько же вам, однако, лет?
- Отчего у вас на руках мозоли?
- Вы и зимою такая же коричневая от загара?
- Что вы делаете, чтобы быть такой румяной?
- А зачем вы так ужасно помадите себе голову?

Вопросы сыпались со всех сторон. Целый град вопросов, серьезных и праздных, атаковал новенькую.

Девочки всматривались в лицо Даши острыми, любопытными глазами, как бы желая видеть ее насквозь.

Хорошенькая Милочка Печалина протиснулась вперед и, презрительно косясь на куцее коричневое платье с огромной заплатой на локте, сказала:

- Но почему же вы не отвечаете нам? Или не хотите удостоить нас ни одним словом?

Даша Крестовоздвиженская подняла на Милочку свои маленькие, как щелочки, глазки:

– Ах, нет, что вы! – сказала она мягким грудным голосом, произнося слова немного на «о», – ах, что вы! Просто я устамши очень. Не могу еще никак отойти с дороги...

«Устамши!...»

Вот тебе раз!

Гимназистка 3-го класса и говорит «устамши», да еще с ударениями на «о», как простая крестьянка! Вот сюрприз-то Алексею Ивановичу будет, учителю русского языка!

– Устамши, не емши, не спамши! – пропела вполголоса насмешница Смолянская, числившаяся с младшего класса первой по русскому языку.

Милочка фыркнула. Фыркнули и тоненькая Зина Ракитова, и беленькая Эмма Вульф, и еще двое-трое из самых смешливых.

Крестовоздвиженская не смутилась, однако, и тут. Она тоже улыбнулась, сверкнув на диво белыми красивыми зубами.

– Такая дурная привычка – все не могу отвыкнуть от деревенской речи, – произнесла она с подкупающей простотой, – говорить-то у нас в глуши мало приходилось. Батюшка в поле, а маменька по хозяйству либо с ребятами. Я-то и сама в работе... С нашими деревенскими то на косьбе, то на жатве... Сами работали, по бедности, конечно. Батраков дорого нанимать. Уж вы, пожалуйста, коли что не так скажу – поправляйте, сделайте милость, очень буду вами благодарна.

И совсем неожиданно она низко, по-крестьянски, всем туловищем поклонилась окружающим ее гимназисткам.

Настроение класса сразу изменилось.

Эта плотная высокая девушка была так нелепа и смешна со своими огромными, в мозолях, руками, зализанной головой и чисто крестьянскими оборотами речи. И в то же время ее низкий, подкупающий мелодично-бархатный голос и эта откровенная, наивная простота трогали невольно и влекли к ней сердца девочек.

Когда Нюра Смолянская попробовала было пройти насчет того, что она «оченно благодарна за откровенность барышни-крестьянки Крестовоздвиженской, и хоша та и очень устамши с дороги, а все же пуцай не откажется потолковать с девицами...», на Нюру замахали со всех сторон, зашумели:

– Пожалуйста, не остри, Нюрка! Знай меру!

Так что шалунья невольно смолкла, прикусив свой не в меру бойкий язычок.

Крестовоздвиженскую усадили на скамейку рядом с тоненькой, хрупкой, аристократичной Зиной Ракитовой, около которой оставалось одно-единственное свободное место.

Голубоглазая, немного надменная, Зина отодвинулась от своей новой соседки на самый край скамьи. Даша почему-то не понравилась ей с первой же минуты, и она, ни мало не смущаясь, подчеркнула это. «Поповна! Деревенская поповна!» – окрестила ее Зина, втайне негодуя на судьбу, предоставившую ей неприятную обязанность сидеть с этой «деревенщиной» во время занятий.

* * *

– Здравствуйте, барышни, здравствуйте! Пришел к вам проэкзаменовать новенькую. Госпожа Крестовоздвиженская, пожалуйста сюда! – улыбаясь и ободряюще покачивая седой головой, говорил инспектор, входя к третьеклассникам.

Девочки торопливо повторяли заданное к предыдущему уроку по физике. Учитель был из «лютых» и требовал твердых ответов по своему предмету. Его боялись и учились у него прилежнее, зная, что у Арсения Ардалионовича очень легко можно схватить «кол».

Но несмотря на всю важность повторения «физикантского» урока, девочки никак не могли себе отказать в удовольствии проследить за экзаменационными ответами новенькой, которая с каждой минутой овладевала все большим вниманием класса.

Действительно, Даша Крестовоздвиженская представляла собой целый ряд сюрпризов и неожиданностей.

Начать с того, что ей, такой высокой, плотной, было всего только четырнадцать лет отроду. Когда она простосердечно своим бархатистым густым голосом заявила об этом, девочкам не хотелось верить... Затем своими «простецкими» словечками: «устамши», «намедни», «маменька» и другими она так добросовестно и даже живописно выложила, стоя у кафедры перед сидевшим за столом инспектором-экзаменатором, всю историю крестовых походов, что третьеклассницы замерли от удивления... Не успели они опомниться от первого впечатления, как их ожидало уже новое. Даша знала по географии, арифметике, русскому языку, естествоведению и Закону Божию безукоризненно все, что требовалось знать для гимназистки третьего класса. Без одной ошибки решила она сложную арифметическую задачу и гладко, не пропустив ни единого знака препинания, написала довольно сложный диктант.

– Прекрасно! Прекрасно! Очень, очень доброкачественная подготовка, – хвалил девочку инспектор. – С кем вы занимались, барышня?

«Барышня» сделала круглые от удивления глаза и развела неопределенным жестом свои огромные руки.

– Как с кем? Одна. Маменька в губернский город ездила. Привезла программу, книжки, ну и училась. А задачи с батюшкой делали и в диктовках он тоже пособлял. Вот только жалость: писать как следует не могу... Руки сгубели. Жать приходилось. Работать... Как возьмусь за

перо, так уж беспрерывно руки дрожат, – чистосердечным признанием заключила свою речь новенькая и снова широко, простодушно улыбнулась, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

– Ну и хвастунья же эта новенькая! – перегнувшись к своей соседке Эмме, шепнула Милочка.

– Поповна! Все поповны хвастливые! – ввернула свое слово беленькая немочка Вульф, поводя пухлыми плечами.

– Мне она совсем, совсем не нравится, – подхватила Милочка, – и я удивляюсь, чем пленила она *наших*, что те накинулись на Нюру, пожелавшую ее «изобразить»...

– А если бы вы знали, барышни, как от ее головы репейным маслом пахнет! Целую банку, очевидно, на себя вылила эта «приехавшая» к нам прелестная девица из деревни! – вставила в разговор двух соседок внезапно вынырнувшая откуда-то шалунья Смолянская.

– И вообще она нечистоплотная какая-то. Вы видите у нее на локте заплату, – послышался презрительный голосок Зины Ракитовой, и она мельком, в стеклянные дверцы шкафа, оглядела свою собственную, затянутую в изящное форменное платье, сшитое у дорогой портнихи, фигуру.

– Ну знаешь, о заплатах ты оставь, – вмешалась в разговор проходившая мимо Катя Малиновская, – у меня у самой все заштопано: и юбка, и передник, и чулки, у мамы нет денег на новое, а это мне не мешает следить за собой и мыть руки чуть ли не после каждого урока.

– Пожалуйста, не чванься... Нашла чем! Чистюля! – насмешливо протянула в нос, подражая Кате, Смолянская и звонко расхохоталась заразительным ребяческим смехом.

– Тише! Тише! Или вы не слышите, Смолянская, Арсений Ардалионович хочет говорить с вами, – и Таисия Павловна сделала по адресу шалуньи Нюры строгое лицо.

Арсений Ардалионович действительно хотел говорить о новенькой: она, по его мнению, подготовлена прекрасно. Знает больше, чем следует... Только вот языки.

– Одни языки – французский и немецкий – заставляют желать много лучшего, – с искренним сожалением закончил он.

Крестовоздвиженская прослушала очень спокойно все, что он сказал, как будто речь шла не о ней, а о ком-то постороннем, и опять улыбнулась.

Инспектор сошел с кафедры и приблизился к первым партам. Его взгляд встретился со взглядом Зины, и он произнес очень мягко по адресу гимназистки:

– Вот если бы вы, госпожа Ракитова, пожелали помочь новенькой! Вы так сильны по иностранным языкам. Это займет у вас немного времени. Госпожа Крестовоздвиженская, по всем данным, скоро усваивает предметы. Не согласились бы вы помочь ей первое время?

Зина с чуть заметной кислой усмешкой нехотя поднялась со своего места, отвесила инспектору подобающий реверанс и тихо проговорила:

– Хорошо. Я постараюсь, если успею... Помогу усвоить новенькой заданное к завтрашнему дню.

– Очень, очень мило с вашей стороны, барышня! – и, довольный результатом экзаменов, инспектор вышел из класса.

В коридоре прозвучал новый звонок. Приближался урок физики – самый страшный из гимназических уроков.

В перемену Зина, с видом добровольной мученицы, позвала Поповну, как она, а за ней и многие другие гимназистки-третьеклассницы окрестили между собой новенькую, и небрежно процедила сквозь зубы:

– Я вам объясню французский синтаксис сейчас, если желаете, потом у меня не будет времени.

Поповна охотно согласилась.

– Пожалуйста. Премного буду вами благодарна, – весело произнесла она.

– «Вами»? – насмешливо протянула Зина. – Какой у вас странный оборот речи.

– Так уж привыкли! – добродушно улыбнулась Даша.

«Нет, она невменяемая какая-то!» – возмущалась Зина в глубине души.

– Послушайте, – брезгливо морщась, заговорила она, снова обращаясь к Даше: – бросьте вы ваши мужицкие привычки! Все эти словечки: «приехавши, отъехавши, уснувши, уставши!» Право, это противно и смешно!

– Ах, извините! – смущенно сказала Даша, и все ее и без того румяное лицо запыхало ярче, – уж я попрошу вас, ежели заметите, что не так, поправьте... Я ведь попросту, по-деревенски... и не...

– Нет уж, увольте! – резко оборвала ее на полуслове Зина, – право, у меня нет ни времени, ни охоты для воспитания всяких провинциальных девиц. – И тут же, заметя растерянность Поповны, заключила с каким-то жестоким злорадством: – Ну а сейчас примемся за французский синтаксис, пока учитель физики еще не «пришедши!» – и насмешливо сверкнула на новенькую загоревшимися недобро глазами.

* * *

Было половина третьего. Уроки кончились, и гимназистки с веселым шумом высыпали из подъезда.

Поповна долго и усердно одевалась у вешалки, к большому недоумению гимназического швейцара.

Несколько любопытных, в том числе Нюра Смолянская, Зина Ракитова, Мила Печалина и немочка Вульф, сунули в темный угол раздевалки свои плутовские мордочки.

– Ах! – вскрикнула Милочка, – что это за допотопная фигура!

Из угла вышла Поповна. На ней был плащ в виде тальмы, какой носили в далекие времена бедные чиновницы старухи, обитательницы дальних городских окраин. На голове широкополая, бесцветная шляпка из полинялой соломы со смятыми цветами, сбившимися в одну сплошную кучу. В руках огромный клетчатый зонтик, хотя на улице стояли сухие, почти жаркие дни осени, и в зонтике, да еще в таком огромном, никакой надобности не предвиделось.

Девочки невольно фыркнули при виде ее костюма.

– Боже мой! Да вы глаза всем выколете вашими полями! Откуда вы выискали такое чудовище? Вот так фасоны времен Очакова и покорения Крыма! – заливаясь безобидным смехом, Нюра Смолянская смотрела на удивительную шляпу новенькой.

– Зачем вы таскаете с собою этого урода? Дождя быть не может! К чему вы взяли этот зонтик?

Эмма Вульф, по привычке пожимая плечиками, ткнула пальцем в злополучный клетчатый зонт Даши. Не успела ответить Поповна, как перед нею точно из-под земли выросла Зина Ракитова.

– Что хотите делайте, но я не пойду с вами по улице. Это ужас! Ужас какой-то! Маскарад среди бела дня, ведь не святки теперь. Пожалуйста, идите другой дорогой! И завтра же перемените шляпу и тальму. Право, даю вам искренний дружеский совет.

Хорошенькая аристократка говорила еще что-то... Говорила много и долго с каким-то обиженным возмущением, но Даша уже не слышала ее. Румяное лицо Поповны приняло беспокойно-встревоженное выражение. Вихрем закружилась в голове мысль: «Откуда же мне взять-то другое? Откуда? Даром не купишь! Без денег не приобретешь!»

Как все это грустно, однако!.. Разве могли они предвидеть нечто подобное там, в сельце Крошине, с милой доброй маменькой и ласковым отцом? Маменька очень беспокоилась, отпуская сюда Дашу, одну в такую даль, в чужой неведомый Петербург.

– Будем мы тебе, девочка, по пятнадцать рублей высылать ежемесячно, – говорила маменька, – больше никак невозможно. Видишь, сестры и братья растут, и их поднимать надо

тоже. Ежели жить толком, аккуратно, то пятнадцати хватит за глаза. Отцу дьякону (у отца дьякона, женатого на школьной подруге маменьки, и должна была жить Даша в Петербурге) двенадцать рублей за угол и за стол платить будешь. Три тебе на мыло, на баню, на марки и на булки останется... А насчет одежды не сомневайся. Пока что в моей тальме и шляпе походишь. Вещи хорошие... К свадьбе сделаны. Немного и поносить пришлось. Какие же шляпы в деревне!.. А осенью шубку вышлем, из батюшкиной синей рясы сошью. Не сомневайся, девочка!

Да она и не сомневалась, Даша. Ее так сильно влекло учиться сюда, в далекий, чуждый и прекрасный своим просвещенным значением город, что о шубках, тальмах и шляпах она думала менее всего.

И вдруг первый град разочарования обрушился на нее так неожиданно с этой именно стороны.

Когда она ехала сюда, в далекий, но неудержимо влекущий ее Питер, ей, дикой провинциалке, гимназия представлялась чем-то вроде большой, тесной и дружной семьи, девочки-сестры, девочки-подруги, близкие души, связанные друг с другом общими, живыми интересами... Они занимаются вместе, крепко сплоченным кружком, учатся, читают, помогают друг другу... Все у них общее: и занятия, и досуг... И вот оказывается, что она ошиблась. Ее неуклюжая фигура, ее грубые, в мозолях, руки, ее неподходящий к столичному городу костюм – все это вызывает замечания, неудовольствие и даже насмешки со стороны девочек, к которым так стремилась ее душа.

Охваченная тяжелыми мыслями, молоденькая провинциалка, зашагала по каменным плитам тротуара.

Ах, какие улицы, какие здания, какой огромный город! Лишь бы не заблудиться ей в этих бесчисленных улицах и закоулках. Не позабыть бы дорогу к дому отца дьякона!.. Небось, в Крошине у них и понятия обо всем этом не имеют...

Крошино...

Выплыли откуда-то знакомые образы, родные сердцу картины. Небольшое бедное село... Широкая синяя речка... Церковь на горюшке и их домик в две комнаты с прохладными сенями, с ветхим скрипучим крылечком, окруженный тенистым садом... В саду крыжовник, смородина, малина... За садом огород... Дальше поле... В этом поле, на «батюшкином участке», как называют их десятины крестьяне, работает вся семья. Отец, мать, брат-семинарист и она, Даша... Потом еще Устин, крепкий старик точно с кудельной бородою. Батраков нанимать не на что. Село бедное. Прихожане приносят пустяки. У отца заработок крохотный. Даже младшие члены семьи, десятилетние двойняшки Сима и Саша, помогают вязать снопы, а шестигодовалый Гриша, тот часто ворошит для сушки сено с Устином.

Жать, косить ей, Даше, приходится часто. Она любит всем сердцем эту работу. Она – сильная. Недаром ее все принимают за взрослую девицу, хотя ей только что исполнилось четырнадцать лет. «Великанша», – вдруг вспомнилась девочке кем-то брошенная о ней фраза. «Великанша»... Ну и Бог с ними. Пускай называют, как хотят. Что – убудет из-за всего этого от нее, Даши?

Она бойко встряхнула головой и зашагала бодрее, помахивая своим клетчатым зонтиком, стуча по плитам тротуара грубыми сапогами. А внутри, там, далеко где-то, в самых тайниках детского обиженного сердечка, сосало что-то... Какая-то неудовлетворенность, обманутые надежды. Смутно поднималось со дна души какое-то тяжелое, неприятное чувство и росло, росло...

«Ужо вернусь, сейчас же за письмо папеньке с маменькой сяду! Беспременно отпишу, чтобы не беспокоились милые мои старички, – решила Даша, – да всего-то в письме рассказывать не стану. К чему их беспокоить задаром... Господь с ними, с девочками, пусть смеются! К чему нашим про это знать!»

Выплыли снова милые близкие образы. Вот отец в широкополой, в нескольких местах продырявленной соломенной шляпе, в стареньком заплатанном подряснике, с милой, обычной своей доброй улыбкой на лице... С косой в руках, как простой крестьянин.

Вон темно-лиловый ситцевый, полинялый за десяток лет носки, столько раз перешитый и перекроенный капот матери и ее печально-озабоченное, бесконечнолюбимое, с сетью мелких морщинок лицо.

Вон брат-семинарист Корнилий... А вон малыши Сима, Саша... И любимый бутуз Гришук валяется в сене...

Ах вы, милые, милые, вот бы я вас расцеловала сейчас!

Что-то обжигает глаза, теснит дыхание, щекочет щеку. Что это? Слезы?! Неужели?! Зачем?!

– Крестовоздвиженская, голубушка, вы плачете, что с вами?

Как вкопанная останавливается посреди тротуара Даша. Неужто здесь, на улице, она разревелась?.. Ах, срамota-то, срамota какая! Около нее чье-то участливое, доброе, ласковое лицо... Глядят из-под круглой фетровой шляпки сочувствующие темные глазенки. Кто это? Ах да, та веселая шалунья девочка, что шутила над нею в классе и назвала ее швейцарской допотопной фигурой. Что ей надо, однако, от нее сейчас? Зачем она здесь?

Личико смущенное. Глазки виновато-ласковым взором окидывают Поповну... Маленькая ручка в лайковой перчатке притрагивается к красным, с мозолями, пальцами Даши.

– Милая Крестовоздвиженская, – смущенно лепечет Нюра Смолянская, – прошу вас, не идите так быстро! Мне не поспеть за вами. Едва вас догнала! Бежала все время что есть духу. Вы ходите как скороход, милочка... Я хотела... я решила... мы все хотели, то есть... мы решили извиниться перед вами за Зину Ракитову, то есть за ее поступок! Простите ее, пожалуйста! У нее вырвалось... Она не нарочно. Право, голубушка! Не сердитесь на нее и на нас... Мы никогда, никогда не будем больше смеяться над вами!

Голос Нюры рвется и звенит. Карие глазки с мольбой поднимаются на Дашу.

– Не будем! Никогда не будем! – шепчет она чуть слышно, как провинившийся ребенок, уличенный в шалости.

Румяное лицо Даши становится малиновым. Глаза загораются теплым огоньком.

– Так вот оно что... Ах, вы хорошая, славная, – говорит она растроганно и так крепко сжимает протянутую ручку в лайковой перчатке, что Нюра на мгновение морщится от боли.

Так, держась за руки, близко придвинувшись одна к другой, девочки пускаются в путь. Захлебываясь, Нюра рассказывает своей спутнице:

– Все это случилось, как только вы убежали от нас. У вас было в ту минуту такое убитое лицо, что нам всем стало стыдно. Накинулись на Зину: «Как тебе не совестно обижать новенькую!» Все так и закричали! Зина сконфузилась... Обещала извиниться. Сама созналась, чтохватила через край. И все были ужасно смущены... Захотели всем классом догнать вас, но Таисия Павловна вышла, велела расходиться, и я одна побежала за вами. Насилу догнала. Милушка, не сердитесь на нас.

И опять милое, виноватое личико заглянуло сбоку под огромную широкополую шляпу Поповны.

– Я сержусь? Да Бог с вами, голубушка! – искренне отвечала Даша.

Завязывается оживленный разговор. Даша рассказывает о своем милом Крошине, о полях, о речке под горушкой, о тенистом саде с целыми зарослями крыжовника и смородины, об отце, матери, сестре, братьях и старом Устине.

Потом говорит Нюра... Говорит про гимназию, про ее порядки, про занятия и шалости гимназисток... В болтовне живо проходит время. Не заметили, как обошли полгорода, прокружили часа два без передышки, очутились на гранитной набережной величавой красавицы Невы.

– Ах, как хорошо! – восторгается молоденькая провинциалка. – Как красиво у вас здесь! Какая река-то, век такой не видывала, право!

– Да, хорошо! – растяжно соглашается Нюра, сто раз уже видевшая знакомую картину. – А где же вы живете? – словно спохватившись, неожиданно осведомляется она.

– У отца Николая на квартире. Это, знаете, у Знамения, в церковном доме.

– Ха, ха, ха! – весело заливается Нюра. – Да ведь это на том конце города, вот так отмахали кусочек! И поздно как уже... Глядите, сейчас электричество загорится!

И правда, загораются электрические фонари... Город сразу принимает новый, несвойственный ему днем уютно-ласковый вид.

– Ах, что я делать буду?! Меня ждут к обеду дома! Мама беспокоится, верно. Идем скорее, нам по дороге...

Теперь уже девочки не идут, а почти бегут по людным улицам города. Феерично-волшебными кажутся Даше освещенные окна магазинов. А все же променяла бы она всю эту красоту на скромный маленький домик подле церкви там, в селе, на горушке.

На Знаменской, куда проводила Нюра новую товарку, у ворот церковного дома, девочки расстаются. Крепко пожимая руку Крестовоздвиженской, Нюра говорит:

– Послушайте... хотите на «ты»? Ведь мы однолетки... Вы славная такая, простая милая. Давайте подружмся?! Хотите? Хочешь, Даша?

– Ну понятно, стоило спрашивать, понятно хочу!

И прежде, нежели Смоленская успевает это сделать сама, крепкие руки Даши обнимают девочку и губы Поповны прижимаются к ее щеке.

– Ну вот и отлично! Значит, на «ты»... Завтра увидимся в гимназии, – весело роняет Нюра. – И пусть кто-нибудь теперь попробует посмеяться над тобой... Пусть попробует только, – она еще раз наскоро целует Дашу и проворно исчезает за углом соседнего дома.

* * *

Вечер. В квартире отца дьякона ложатся рано: и сама дьяконица Татьяна Андреевна, и обе дочери-барышни, окончившие в этом году гимназию, ту самую, куда стараниями отца дьякона и его супруги удалось поместить Крестовоздвиженскую Дашу.

У Даши в комнате, скорее похожей на маленькую коробочку-угловушку, до сих пор игравшей роль гардеробной и теперь предложенной новой жилище, горит лампа. Даша сидит за столом и учит к завтрашнему дню уроки. Все они легки и возни с ними немного. Вот только французский. Задана басня Лафонтена на французском языке. И французский, и немецкий языки не даются Даше. Готовить их самой было нелегко.

А мать Даши если и учила когда языки в гимназии, то забыла за давностью времени и заботами по хозяйству. Приходилось Даше готовиться ошупью. Некому было исправлять произношение, пояснять непонятное. Здесь, в доме отца дьякона, легче. Старшая барышня Валентиночка с вечера разъяснила Даше завтрашний урок, перевела ей басню. Остается заучить, запомнить. А все же это весьма нелегкая задача!

Лампа освещает крошечную комнатку, стол, страницу стихов и крупную, склоненную над ней Дашину голову... Учиться трудно, запоминается туго. А тут еще так и тянет взять листик почтовой бумаги, обмакнуть перо в чернильницу и унести теплыми прочувственными строками в далекое милое сердцу Крошино, к близким!..

Кончено! Одолена вконец трудная басня. Слава Богу! Теперь за письмо. Скорее, скорее... Даша взяла листок, конверт... Придвинула к себе небольшую баночку с чернилами. Задумалась на минуту. Всего писать нельзя. Нет. Совсем невозможно. Забеспокоятся, встревожатся, будут волноваться за Дашу, подумают, что ее обижают... Ни о насмешках, ни о приеме гимназисток упоминать нельзя. Сохрани Господи! Особенно о насмешках по поводу зон-

тика, шляпы! А то маменька из сил, как говорится, выбьется, во всем урезать себя станет, а уж накопит как-нибудь денег на новую шляпу, пальто, зонтик... Нельзя допускать этого!

Девочка осторожно обмакивает перо и старательно выводит на тоненьком листке дешевой почтовой бумаги:

«Здравствуйте, дорогой мой папенька, голубушка моя маменька! Слава Богу, благополучно добралась я до Питера и поселилась у отца Николая. Очень мне здесь хорошо. Не беспокойтесь обо мне, родные вы мои! Комнатка у меня светленькая, сухая, хорошенькая. И дьяконовы барышни добрые, хорошие, и сам отец дьякон, и матушка совсем как родные отнеслись ко мне. И насчет денег не беспокойтесь также. На все мне хватит! И из платья ничего не высылайте до холодов. Все есть, как следует. Была нынче в гимназии впервые. Очень понравилось! И начальство и девицы. Девицы, видать, добрые, ласковые. Встретили хорошо, показали, что готовить надо, объяснили. А испытания экзаменационные выдержала, слава Богу! Здесь не строго. Одна девица, зовут Нюрочкой Смолянской, подружилась со мной очень. Она ласковая, хорошая. И другая, Зиночка Ракитова, тоже хорошо ко мне отнеслась. По-французски синтаксис объясняла. Такая милая! Как-то вы без меня, мои любимые, проживаете, что малыши наши? Скажите, дорогие мои, Гришие, что как приеду летом на каникулы, ему дома здешние нарисую. Огромные, красивые. До свидания, покамест. Горячо целую Ваши ручки и прошу у Вас родительского благословения. Обнимаю Сашу, Симу, Гришуку моего. Братицу Корнелию сама в семинарию писать буду. Еще раз прошу благословить всем сердцем любящую Вас покорную Вам дочь Вашу Дарью.

PS. А Питер-город такой прекрасный, что и во сне такой не приснится!»

Так кончилось Дашино письмо.

А о злополучном дне и насмешках девочек – ни слова...

НЕПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

На столовых часах пробило половина восьмого. Наташа проснулась. Высвободила из-под одеяла тоненькую руку и нажала кнопку электрического звонка, в виде грушевидной балаболки висевшего в изголовье постели.

Позвонила и прислушалась. Не застучат ли знакомые каблуки в коридоре?! Так и есть – стучат! Это Анята. Она аккуратно приходит будить Наташу каждое утро четверть восьмого. Сегодня опоздала отчего-то. Дверь в Наташину комнату, именуемую домашними, к крайнему неудовольствию ее хозяйки, «детской», широко распахнулась. Анята, стройная, хорошенькая, немногим старше своей шестнадцатилетней госпожи, в высоком, тугом с утра корсете и белом чепчике на голове, с деловитым видом появляется на пороге. Наташина мама требует, чтобы прислуга была прилично одета с утра: горничная в корсете, чепчике и белом плоеном переднике, лакей во фраке.

И Наташа вполне разделяет мнение матери. Действительно, приятно видеть все нарядное, чистое и корректное перед глазами. И белый чепчик на русой Анятиной головке, и ее стройную, с тонкой талией, фигурку Наташа очень любит. Но сегодня почему-то и белый чепчик, и тонкая талия, и сама Анята раздражают Наташу. Что-то смутное, неприязненное поднимается со дна души. Наташа подняла от подушки голову с всклокоченными ото сна волосами, сердито посмотрела на Аняту и ворчливо произнесла:

– Почему ты не разбудила меня в обычное время?

Анята улыбается. Она представляет собой тип горничной, выросшей с детства у господ и считавшейся скорее членом семьи, нежели прислугой. Анята – дочь Марьи Ивановны, домашней портнихи, с шестилетнего возраста играла с Наташей в куклы. Поэтому и тон у нее с маленькой барышней (к ужасу Наташи ее все еще называют так, потому что в доме есть большие барышни – двадцатилетняя Зоя и девятнадцатилетняя Мими) скорее фамильярно-ласковый, нежели покорно-угодливый, как у служанки.

На вопрос Наташи Анята отвечает, ласково щуря смеющиеся глаза:

– А с чего бы вам и не поспать лишние четверть часика, а? Успеете в гимназию вашу! Слава Богу, не пешком туда ходите, как другие.

Действительно, в гимназию Наташа не ходит, а ездит. Ее отец очень популярный доктор, заведующий одной из столичных больниц, ежедневно ездит по утрам на службу и берет с собой Наташу, чтобы завезти девочку по дороге в ее учебное заведение, частную гимназию госпожи Горюниной.

Наташа недовольна. Беспричинная волна раздражения охватывает ее.

– Ты всегда так, Анята... Подводишь только! – говорит она и брезгливо выпячивает пухлую губку.

Но Анята неуязвима. Анята прекрасно видит, что барышня «с левой ноги» встала, и только улыбается на воркотню Наташи, лукаво и снисходительно.

Часы бьют восемь.

Наташа стоит в большом резиновом тазу, наполненном до краев водой, а Анята, вооруженная исполинских размеров губкой, тщательно вытирает худенькое, тонкое тело Наташи водой с одеколоном.

Наташа ежится. Сегодня прикосновение холодной воды раздражает ее и сердит.

– Довольно, довольно, Анята! – и прежде, нежели следует, она выскакивает из таза.

Начинается растирание мохнатым полотенцем. Руки Аняты нежны и привычны к этого рода работе. Но раз начавшемуся Наташиному капризу, кажется, не предвидится конца.

То ей кажется, что Анята действует слишком энергично, то слишком слабо, то она царапает Наташу, то щекочет. Словом, никак не может ей угодить.

Анюта молча заканчивает работу. И по-прежнему на губах ее играет снисходительно-лукавая улыбка. Точно хочет ей сказать Анюта: «Ну уж ладно, ладно, покапризничайте малость, я к этому привыкла, не взыщу!»

Закончено умывание, чистка ногтей, зубов, расчесывание непокорных и густых черных волос Наташи, и Анюта подает на серебряном подносыке своей молоденькой госпоже чашку какао и несколько сдобных булочек на выбор. Но прежде, чем приняться за утренний завтрак, Наташа подходит к зеркалу и тщательно, долго рассматривает себя.

Наташа некрасива. Хотя мама называет Наташу Сандрильоной, а папа Кошечкой, но Наташа отлично понимает, что это только так, от избытка их родительской любви, и что отнюдь не на кошечку, а тем более на Сандрильону она не похожа. У Сандрильоны должны быть длинные золотые волосы, у кошечки гибкие грациозные движения. Ни того, ни другого у Наташи нет. Ее густые волосы черные, как смола, а фигура угловата и резка, как еще у несложившегося подростка. И движения резки, и руками она болтает на ходу, как заправский мальчишка, к великому огорчению тети Люси, Наташиной гувернантки. Наташа смугла, худа, со слишком крупными для девушки чертами, с высоким лбом (умным лбом, как про него говорит мама) и с действительно прелестными темными, почти черными глазами, глубокими, как бездна.

Кто-то из знакомых сказал про Наташу, что она похожа на героиню Толстого из «Войны и мира» – Наташу Ростову.

Наташа читала «Войну и мир» и обожала его главную героиню. Быть похожей на Наташу Ростову, ах! Да ведь это чудо что такое!

И думая об этом, девочка прощала судьбу за свою смуглую кожу и некрасивые, резкие черты лица. Но сегодня то, что отразилось в зеркале, отнюдь ничего общего не имело с Наташей Ростовою!

О нет! Надутые губы, сердитое лицо и что-то тревожно-недовольное в глубине темного взора... Отчего бы это? – недоумевающе спрашивает себя Наташа.

И вдруг вспоминает. Вспоминает сразу, быстро. Точно кто подсказывает ее мыслям.

– Ах да... Не выучила историю. А историк спросит непременно... Как это вышло?

Забыв о какао, о сдобных булочках, Наташа старается вспомнить, как это вышло.

Да... вчера у них были гости. Мими играла сонату Бетховена. Ту, любимую, на бемолях. Она слушала. Потом сражались в Halm'u ¹ вчетвером: Мими, Зоя, она, кузен Виктор. Мама несколько раз подходила и спрашивала, все ли уроки она, Наташа, выучила, а она отвечала не сморгнув:

– Конечно, все.

Хотелось показаться ужасно способной перед сестрами и кузеном.

После чая наскоро пробежала французский, решила теорему по геометрии, прочла кое-как о Достоевском по русской литературе и готовилась уже взяться за историю реформ Петра Великого, как нежданный гость – сон – подкрался к ней едва заметно, и она сладко заснула, забыв и о Петре, и о его преобразованиях и реформах, со смутной надеждой повторить это все до гимназии, утром, и вот... Надеждам не суждено было осуществиться, Анюта позабыла разбудить Наташу или Наташа позабыла сказать об этом Анюте, но...

Но не в этом дело!

Эта глупая Анюта... Чего она улыбается, сияет?! И чепчик глупый, и фартук с плечиками, и вся она... Все это так несносно! Противные и чепчик, и плечики, и Анюта!..

¹ Игра вроде шашек.

* * *

Папа довез Наташу до гимназии. Приложился к ее засвежевшей на морозном воздухе щечке холодными, мокрыми усами и сказал:

– До свиданья, Кошечка, за обедом увидимся!

Потом приказал кучеру Семену ехать дальше в больницу.

Наташа вошла в просторный теплый гимназический вестибюль. Здесь было шумно,людно, суетливо. Девочки то и дело входили. Швейцар Дмитрий, получивший прозвище Султана Мароккского за свое оливково-смугловатое лицо и необычайно кудрявые темные волосы, поминутно распахивал входную дверь, впуская тоненькие фигурки, закутанные в теплые пальто и шубки, с неизменно торчащими из-под них коричневыми подолами форменных платьев. Знакомые лица, знакомая обстановка... Среди всей этой суеты, веселых возгласов и шума, понемногу стало расплываться неприятное настроение, привезенное из дому Наташей.

К ней подошла красивая, стройная Нина Соболева, с густой белокурой косой, два раза венчиком охватившей изящную головку, и проговорила:

– Здравствуй, Наташа! А мы вчера были в опере, я с мамой и братом. Брат неожиданно Достал ложу. Ах, как хорошо! Чудо как хорошо! Ты не бывала в опере, Наташа?

Натали смотрит в красивое довольное лицо Соболевой и сердито бурчит:

– Нет.

Только что ушедшее дурное настроение возвращается к ней снова.

«Вот хвастушка-то! – думает про Соболеву Наташа. – Ужасно важничает, что ездит часто в театр. В оперу, в драму. Невидаль какая!» Наташа злится. Злится самым искренним образом. Злится оттого, что завидует Нине. Нину держат дома, как взрослую. У нее брат офицер. Водит ее в театры, на вечера к себе в полковое собрание. А ее брат Миша уехал за границу заканчивать свое образование и ему дела мало до младшей сестры. Не сегодня – завтра его ждут домой окончившего курс в цюрихском университете. Но его приезд мало внесет разнообразия в монотонную серенькую Наташину жизнь. Мими и Зоя завербуют себе Мишу – это уже наверное! Не отпустят его от себя ни на шаг, закружат его в вихре их жизни, полной самых разнообразных удовольствий, а она, Наташа, по-прежнему вынуждена будет ездить в гимназию по утрам, а вечером готовить уроки к следующему дню у себя в детской.

Вот у Нины Соболевой, наверное, иная жизнь! Балы, выезды, опера... И «детской», наверное, никто в доме не решится назвать комнату Нины!

И уже окончательно взвинченная и снова взволнованная и сердитая, Наташа угрюмо, глядя себе под ноги, поднимается по широкой лестнице в класс.

После молитвы первый урок – история. Преподаватель, молодой, худощавый человек в очках, за которыми скрываются глаза неопределенного цвета, по первому звуку колокольчика, раздавшегося почти сразу после общей молитвы в зале, стремительно распахнул дверь и в несколько быстрых шагов, проскользнув пространство от порога комнаты до кафедры, занял свое место.

И Наташа поняла разом, что все для нее кончено. Началась пытка. Кто-то незримый и упорный, казалось, говорил в душе Наташи: «Сейчас, сейчас Сомов распишется в журнале, обведет глазами класс, остановит их на тебе и назовет по фамилии тебя, Наташу Дернову!»

Пренеприятное положение! Ужасное ощущение чего-то гадкого, несправедливого и жуткого в одно и то же время...

Чтобы отвлечь себя немного от скверного предчувствия, Наташа перебегает с одного знакомого лица на другое... Вон сидит красивая, спокойная, всегда уравновешенная Нина. Ей хорошо. Она постоянно знает заданные уроки как Отче наш и Богородицу, хотя и ездит еженедельно в оперу и танцует на семейных вечерах. А вон Мышка... Живая веселая девочка,

несмотря на свои 15 лет, не отрешившаяся от чисто ребяческих шалостей и проказ. Она учится скверно, хотя память и способности у нее удивительные. Дальше Маруся Стректова, первая ученица, берет все с боя усидчивым трудом. Зеленая от малокровия, серьезная, старообразная, но с такими умными, красивыми голубыми глазами, выражению которых завидует полкласса. Вон Валерия Натова. Эта веселая и бойкая, как козленок... Историей интересуется больше всего. Хронологию знает как свои пять пальцев. Счастливая! Ей нечего бояться сегодняшнего урока и реформ Петра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.